

ИЗ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XIX В.

Автографы французских писателей
в архиве князя А. И. Урусова

*Михаилу Павловичу Алексееву:
In memoriam
...некто вроде князя...
Леон Блуа*

Князь Александр Иванович Урусов (1843-1900), архив которого хранится в РГБ¹ и РГАЛИ² в Москве и содержит ряд интересных источников по истории французской литературы второй половины XIX в., был незаурядной фигурой русского общества своего времени.

Известный адвокат и общественный деятель либерального направления, Урусов живо интересовался литературой и искусством, выступал как театральный критик, сотрудничал в ряде газет и журналов, в частности в "Библиотеке для чтения" П. Д. Боборыкина, в "Русских ведомостях", в газете М. М. Стасюлевича "Порядок", где он под псевдонимом Александра Иванова заведовал отделом "Театр" и писал критические статьи о драматической литературе. Об авторитете князя Урусова как театрального критика свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что его мнение запрашивалось для международных анкет по вопросам театра (так, редакция парижского журнала "Revue d'art dramatique" обращалась к нему в связи с проводившейся ею анкетой о социальном вопросе в театре)³.

Интерес к литературе и искусству был привит Урусову в 1-й московской гимназии, где его учителями были Тихонравов и Аполлон Григорьев. Будучи студентом юридического факультета Московского университета, Урусов посещал также лекции по истории искусства Ф. И. Буслаева и, по словам Боборыкина⁴, был близок к нему. Впоследствии он был лично знаком с такими русскими писателями, как Тургенев, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Чехов. Урусов хорошо знал западноевропейскую литературу XIX в., в его архиве представлены материалы, свидетельствующие об изучении им творчества Гёте, Л. Бёрне, Бальзака, Бодлера, Флобера, Ибсена. Предметом особого внимания Урусова были Бодлер и Флобер. Урусов принимал участие в сборнике "Надгробие Бодлеру" ("Le Tombeau de Baudelaire"), изданном в 1896 г. в Париже Комитетом по сооружению памятника Бодлеру во главе со Стефаном Маллармэ. Здесь им были напечатаны исследования "Варианты "Цветов зла": Очерк о тексте первого издания в сравнении со вторым, исправленным автором" и "Скрытое построение "Цветов зла"".

В течение нескольких лет Урусов собирал материалы, относящиеся к жизни и творчеству Флобера. Как свидетельствует статья друга Флобера - Шарля Лапьера - в "Journal des Débats" от 4 июля 1890 г., за Урусовым во Франции укрепилась репутация серьезного "флобертиста": "Флобер был предметом серьезного изучения не только во Франции, - пламенные его поклонники имеются и за границей. Один из них, князь Урусов, живя в Москве, вот уже пять лет собирает все, что относится к личной жизни Флобера и его произведениям"⁵.

Флоберовская коллекция Урусова состояла из большого количества газетных вырезок и выписок, сделанных Урусовым, а также некоторого количества подлинных документов, относящихся к Флоберу. В отличие от занятий Бодлером, флоберовские штудии Урусова не дали завершённых трудов. Им были начаты, но не закончены две большие статьи о Флобере, которые вместе с разрозненными фрагментами "Мои заметки" хранятся в его флоберовской коллекции, переданной после его смерти в музей Карнавалэ в Париже. Задуманный им толковый каталог его коллекции также не был составлен.

Причина этому, во-первых, в большой профессиональной занятости Урусова, жившего в основном на свои заработки адвоката, и, во-вторых, в известном дилетантизме его натуры, отражавшемся не только в его занятиях литературой и искусством, но и в его

юридической практике. Это понимали уже современники Урусова, и в заседании Общества любителей российской словесности, посвященном ему, 9 марта 1901 г. Александр Иванович Кирпичников так характеризовал его: "Обладея блестящими способностями, получив превосходное образование и выработав в себе редкую энергию и трудолюбие, он всю жизнь свою сидел на двух стульях: литературе и адвокатуре, и сделал гораздо менее, чем обещал талант, ему данный. Он не оставил после себя ни крупного состояния - все, до чего могут дойти наши талантливые адвокаты, ни серьезного большого труда, а только начала в том и другом деле"⁶.

Время подтвердило эту оценку. Однако не подлежат никакому сомнению почти безошибочный вкус Урусова, его чуткость ко всему подлинно новому и желание пропагандировать это новое, сделать его достоянием других. В письме А. А. Андреевой от 15 февраля 1897 г. он говорил о себе: "Сколько я распространил флоберовских и боделэровских томов! Ведь это мне зачтется в стране, где зачитываются Сенкевичем и Надсоном"⁷.

Эту же черту личности Урусова выделил как особо привлекательную такой его современник, как А. Л. Волынский: "В этой его способности увлекаться и восхищаться было что-то детское и очаровательное. Увлекаясь, он уже терял охоту критиковать. Так увлекался он, например, Бальмонтом, которого он крепко отстаивал с самого начала его поэтической деятельности и которому он даже практически помогал в его первых шагах на литературном поприще. Так в особенности увлекался и восхищался он Чеховым. Когда на сцене Александринского театра с шумом провалилась впервые поставленная "Чайка", Урусов выступил горячим защитником этой пьесы"⁸.

Хранящиеся в архиве Урусова подлинные материалы французских писателей второй половины XIX в. соответствуют представлению о нем как об отзывчивом ценителе и пропагандисте художественной новизны.

Собрание французских автографов архива Урусова легко делится на две группы. Это, во-первых, эпистолярная самого Урусова, его переписка с современными писателями и, во-вторых, его коллекция автографов. Переписка его с современными писателями, как было сказано, входит в состав его фонда в РГБ и РГАЛИ; коллекция автографов хранится в основном в составе фонда 183 (собрание иностранных автографов РГБ, папка № 6), частично - в составе фонда Урусова в РГБ.

История личных контактов Урусова с французскими писателями восходит, вероятно, к 1872 г. В августе этого года, желая избежать репрессий, которые грозили ему как защитнику в процессе "нечаевцев", поддерживавшему отношения с осужденными после вынесения приговора, Урусов выехал в заграничное путешествие. "Особенно продолжительно было пребывание его в Париже, - писал близко знавший его Е. А. Пушкин, - где он завел множество новых знакомств, главным образом, в литературных кружках, в которые он был введен И. С. Тургеневым, и между адвокатами..."⁹. Вероятно, именно к этому времени относится личное знакомство Урусова с Золя, о котором он упоминает в интервью по поводу дела Дрейфуса, напечатанном в парижской газете "Les Droits de l'Homme" от 11 марта 1898 г. Затем завязавшиеся в Париже связи оборвались, так как по возвращении в Россию в октябре 1872 г. Урусов был арестован и выслан в Лифляндскую губернию по подозрению в представлении швейцарскому правительству заключения в пользу невыдачи России Нечаева как преступника политического. Первое свидетельство возобновления связей с представителями французской литературы и в то же время самое раннее документальное свидетельство вообще об этих связях Урусова относится к концу 1881 г. (по русскому стилю) - началу 1882 г. (по западному календарю), когда он уже вернулся в сословие присяжных поверенных и практиковал в Петербурге. В это время Россию посетила известная в свое время писательница и журналистка Жюльет Адан (1836 - 1936). Сторонница буржуазной республики, Адан в основанном ею в 1879 г. журнале "La Nouvelle Revue" активно выступала в пользу союза с царской Россией с целью реванша

во франко-прусской войне. В намерения Адан входило установить контакты с профранцузскими элементами петербургского и московского общества и подготовить визит Скобелева в Париж. Ей удалось добиться своего, и венцом ее усилий было провокационное интервью Скобелева в Париже 17 февраля 1882 г., в котором он "предсказывал" войну между тевтонами и славянами. В архиве Урусова (РГБ, ф. 311.17.1) хранится письмо г-жи Адан от 29 декабря 1881 г. (10 января 1882 г.), в котором она выражает надежду на его скорое выздоровление и на возможность встречи с ним, перед кем, по ее словам, ее "приучили испытывать чувство уважения и восхищения" (qu'on m'a appris à estimer et à admirer). Возникает вопрос, не была ли болезнь Урусова дипломатической, не уклонился ли он попросту от встречи с писательницей, соратниками которой по пропагандистской кампании в России были такие одиозные в либеральных кругах лица, как М. Н. Катков и И. Цион. Настаивать на этом, впрочем, нельзя, ибо сама Адан была левобуржуазной республиканкой из ближайшего окружения Гамбетты, а Урусову ее рекомендовал, по всей видимости, ее парижский знакомый И. С. Тургенев. Кроме того, журнал "La Nouvelle Revue" – и в этом была большая заслуга его руководительницы – пользовался известностью как орган, печатавший произведения молодых талантливых писателей (в частности, 15 февраля 1881 г. здесь была напечатана новелла Мопассана "В своей семье"). Так или иначе, небольшое письмо-записка г-жи Адан представляет огромный интерес, ибо оно свидетельствует, вопреки тому впечатлению, которое может сложиться из ее мемуарных книг и даже специальных исследований о ее деятельности¹⁰, о широком диапазоне ее русских контактов ввиду крайней и своекорыстной заинтересованности французской буржуазии в переориентации внешней политики России.

Постоянные контакты с представителями французской литературы возобновились у Урусова с середины 80-х годов, когда он стал ежегодно бывать в Париже. К середине и второй половине 80-х годов относится его знакомство с такими французскими писателями, как Поль Адан, Жорис Карл Гюисманс и Леон Блуа.

Жорис Карл Гюисманс

Письма Ж. К. Гюисманса и Л. Блуа к Урусову весьма содержательны с точки зрения биографических сведений об этих писателях, их оценок различных литературных произведений и определения ими собственных творческих позиций. Надо особо отметить то обстоятельство, что начало переписки и, видимо, знакомства с Гюисмансом относится к 1885 г., когда писатель далеко еще не был знаменит и интерес к его творчеству и

личности свидетельствовал о значительной самостоятельности в выборе Урусовым своих литературных пристрастий. Всего в Отделе рукописей РГБ хранится 16 писем Гюисманса к Урусову (ф. 311.17.12) с 1885 по 1897 г., и ряд из них представляет значительный интерес. Таково, например, письмо от 12 июня 1887 г. по поводу романа Гюисманса "У пристани", в котором он дает характеристику ряда особенностей своего творческого метода в сравнении, например, с манерой Жорж Санд или Леона Кладеля. Останавливает на себе внимание и характеристика в этом письме русской литературы. Примечательно письмо от 12 февраля 1888 г., в котором Гюисманс очень резко отзывается о современной ему французской литературе и читающей публике. Нельзя пройти мимо содержащейся здесь оценки романа Золя "Земля": отдавая должное его мастерству в изображении среды и пейзажа, Гюисманс упрекает Золя за нежизненность образов крестьян; по его утверждению, Золя во всем его творчестве - великолепный театральная декоратор, но актеры были ему хорошо известны лишь в "Западне". В этом же письме Гюисманс обращает внимание Урусова на памфлетное дарование своего тогдашнего друга Леона Блуа и советует ему прочитать роман Блуа "Отчаявшийся".

Переписка с Гюисмансом длится вплоть до 1897 г. и содержит, в частности, оценку "Власти тьмы" Толстого и сборника Верлена "Любовь" (в письме от 27 марта 1888 г.), а также многочисленные данные, относящиеся к жизни и литературной деятельности самого Гюисманса.

Автором второй значительной группы французских писем в архиве Урусова является Леон Блуа (РГБ, ф. 311.17.4 – пять писем с 1888 по 1898 г.). Как уже было упомянуто, с лучшей вещью Блуа - автобиографическим романом "Отчаявшийся" (1886) - Урусов познакомился в 1888 г. по рекомендации Гюисманса. Когда в мае-июне 1888 г. Урусов посетил Париж, Блуа подарил ему издание под названием "Кол" ("Le Pal"). В этом "еженедельном памфлете" (rampulet hebdomadaire), выпускавшемся Блуа в марте-апреле 1885 г. (вышло 4 номера), он в крайне резкой форме нападал на знаменитостей своего времени - Гюго, Золя, Ренана, Мопассана, Дюма-сына, К. Мендеса, Леконт де Лиля, Альбера Вольфа, Сарсэ и многих других. Прочитав "Кол", Урусов написал 2 июня 1888 г. письмо Блуа, где, в частности, говорилось: "Я прочитал ваш "Кол" и сказал себе, что рано или поздно вам понадобится адвокат: я предлагаю вам свои услуги заранее"¹¹. Предсказание Урусова сбылось, и в 1891 г. ему пришлось защищать в парижском суде Леона Блуа по обвинению в диффамации пресловутого "мага" Сар Пеладана, а пока между ними завязалась переписка, знакомство с которой проливает новый свет на автора неистово горьких инвектив против буржуазно-мещанского общества Третьей республики.

Леон Блуа

Наиболее интересно первое письмо Блуа, от 5 июня 1888 г., которое содержит обширную автохарактеристику, написанную с хватающей за душу искренностью. Отвечая на критические замечания Урусова, Блуа, в частности, писал: "Вы справедливо советуете мне прибегать к Ньюансу. Я иступленно ищущу его, поверьте мне. Но как мне это трудно! Пишешь всегда лишь в соответствии со своим темпераментом, а мой, уверяю вас, довольно страшен. Но вы, однако, ошиблись бы, считая меня пессимистом. Это оптическая иллюзия. Я, напротив, бешеный оптимист, фанатик, Торквемада оптимизма, и именно поэтому создается впечатление, что я ненавижу людей. Я проклинаю настоящее, как препятствие к будущему, вот и все".

Письма Блуа к А. И. Урусову, относящиеся к затеянному против него в 1891 г. Сар Пеладаном процессу, хранятся отдельно от остальных его писем, в той части архива, которая попала в РГАЛИ (ф. 514), среди материалов Урусова по этому процессу, и не добавляют ничего существенно нового в историю дела, как она изложена у Жозефа Боллери и ранее у З. Венгеровой¹².

Особо надо отметить, что письма Леона Блуа из РГБ содержат неоднократные свидетельства об оказании Урусовым денежной помощи крайне нуждавшемуся писателю. Сегодня, когда в результате усилий Жака Маритэна имя Блуа приобрело международную известность, надо отдать должное нашему соотечественнику, сумевшему разглядеть в литературном изгое своего времени значительного писателя, достойного моральной поддержки и материальной помощи.

Среди писем французских писателей, адресованных Урусову, отдельную группу составляют письма, связанные с его увлечением творчеством Флобера. Таково ранее опубликованное весьма интересное письмо Ипполита Тэна от 6 ноября 1890 г.¹³, в котором сообщается история его знакомства с Флобером, дается оценка его личности и творчества и предположительно датируется письмо Флобера к Тэну, цитируемое в книге последнего "Об уме". До сих пор оставалось неопубликованным письмо Ги де Мопассана к Урусову от 9 сентября 1890 г., в котором тот благодарит его за присылку денег в фонд памятника Флоберу и приглашает его на открытие, состоявшееся, как известно, 23 ноября 1890 г. в Руане; из этого же письма мы узнаем, что Урусов послал Мопассану список русских писателей, которых, по его мнению, нужно было пригласить на торжество.

Небезынтересно стоящее особняком письмо Урусову Реми де Гурмона от 25 августа 1899 г., в котором известный критик признает справедливость указания на допущенную им этимологическую ошибку в книге "Эстетика французского языка" (РГАЛИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 145).

Кроме писем французских писателей, адресованных Урусову, в его архиве находилась собранная им коллекция иностранных, в основном французских автографов. Естественно, что центральное место в ней занимали два его кумира - Флобер и Бодлер. Урусовым было собрано 5 писем Флобера, и все они сейчас хранятся в фонде Урусова в РГБ (ф. 311.17.23-27), явившись в свое время предметом моей специальной публикации¹⁴. Во исправление помещенного там комментария к письму г-же Юссон теперь нужно сообщить, что в соответствии с разъяснением Урусова в письме к Спельберк де Лованжулю от 12(24) сентября 1888 г. (РГБ, ф. 311.14.1) спутником Флобера, упоминаемым в этом письме, был Максим дю Кан.

Согласно каталогу коллекции иностранных автографов, составленному Урусовым (ф. 311.3.13), и его письму к Спельберк де Лованжулю от 28 ноября 1894 г. (ф. 311.14.1), ему принадлежало также 29 автографов Бодлера, в том числе 15 неизданных писем к Крепэ и 10 творческих рукописей, однако бодлеровское "досье" Урусова пока не обнаружено. На втором после писем Флобера месте по значению среди сохранившейся части коллекции стоят два письма Эмиля Золя к Гюисмансу от 13 ноября 1885 г. и 29 октября 1887 г., подаренные Гюисмансом Урусову (ф. 183.6.9). Первое из них связано с цензурным запретом инсценировки романа "Жерминаль" и с работой над романом

"Творчество". Во втором упоминается о работе над романом "Земля". Оригиналы обоих этих писем до сих пор оставались неопубликованными.

Небезынтересно письмо влиятельного французского театрального критика Франсиска Сарсэ Петру Дмитриевичу Боборыкину (ф. 183.6.17), без сомнения подаренное Урусову самим Боборыкиным, другом его молодости. Письмо является откликом на статью Боборыкина "Парижская эпопея" в № 84 "С.-Петербургских ведомостей" от 25 марта (6 апреля) 1871 г., в которой дается разбор французского издания книги Сарсэ "Осада Парижа" и характеристика ее автора на основе впечатлений от личных встреч с ним. В своей статье Боборыкин критиковал буржуазную ограниченность Сарсэ, "недостаточно восприимчивого к назойливым нуждам социального распорядка": "Сарсе сделал, что мог, в пределах беглых очерков, и частичный анализ у него весьма удовлетворителен. Но для понимания крупных, основных ошибок и промахов, для суждения о высших причинах безурядицы он - слишком буржуа...". Ознакомившись с переводом отрывков из статьи, присланным ему неким "соотечественником" Боборыкина, Сарсэ направил Боборыкину письмо, в котором признал справедливость его критики.

Остальные французские письма коллекции (ф. 183, папка 6) не представляют большого интереса как таковые по своему содержанию, но все они принадлежат крупным французским писателям XIX в. и могут дополнить существующие публикации их переписки. К ним относятся две открытки Верлена Гюисмансу, подаренные им Урусову, - от 26 марта 1888 г. и 14 января 1889 г. (вторая из них опубликована с некоторыми неточностями и неверным указанием на местонахождение в РГАЛИ¹⁵), записки - Эдмона де Гонкура к Гюисмансу от 15 июня 1886 г. и Вилье де Лиль Адана к Гюисмансу от 31 июля 1888 г. - и, наконец, письмо Леконт де Лиля к Мендесу от 26 декабря 1873 г. и недатированное письмо Стефана Маллармэ; оба последних письма я связываю с попыткой Мендеса и Маллармэ в 1873-1874 гг. создать Международное сообщество поэтов.

В целом автографы французских писателей из архива А. И. Урусова являются ценным свидетельством русско-французских общественных и литературных связей, а в ряде случаев и немаловажным источником для истории французской литературы XIX в.

Весна 1974 г.
Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отдел рукописей, ф. 311; коллекционные иностранные автографы из архива А. И. Урусова хранятся в основном в составе фонда 183 (собрание иностранных автографов), папка № 6.

² Ф. 514.

³ *Revue d'art dramatique*. - 1898. - 20 févr. - P. 259.

⁴ *Князь А. И. Урусов*. Статьи его. Письма его. Воспоминания о нем. - М., 1907. - Т. 3. - С. 396.

⁵ Цит. по статье: *Венгерова З.* Парижский архив А. И. Урусова. - Литературное наследство. - М., 1939. - Т. 33-34. - С. 598.

⁶ *Князь А. И. Урусов*. - Т. 3. - С. 126.

⁷ Там же, с. 375.

⁸ Там же, с. 282.

⁹ Там же, с. 107.

¹⁰ *Baylen Joseph O.* M-me Juliette Adam, Gambetta and the idea of a Franco-Russian alliance. - Oklahoma State university publication, 1960.

¹¹ Письмо вместе с другими письмами Урусова сохранялось у дочери Л. Блуа, г-жи Мадлен Субербель. Оpubл.: *Bollery Joseph*. Leon Bloy. - Vol. 2. - Paris, 1949. - P. 279.

¹² *Венгерова З.* Парижский архив А. И. Урусова. - С. 595-597.

¹³ Впервые по подлиннику в кн.: *Князь А. И. Урусов*. - Т. 3. - С. 189-190 (оригинал и перевод); вторично: Литературное наследство. - Т. 33-34. - С. 613-614 (перевод копии из парижского архива А. И. Урусова).

¹⁴ ГБЛ. Отдел рукописей. Записки. - М., 1959. - Вып. 21. - С. 237-241.

¹⁵ *Oeuvres et opinions*. - М., 1972. - № 9. - P. 177-178.

**Из писем Жориса Карла Гюисманса
князю А. И. Урусову**

1.

Париж, 12 июня 1887

Paris, 12 juin 87

Que non mon cher monsieur Ouroussof, que ne fais point fi, comme vous le dites, de l'opinion d'un lecteur russe. C'est en Russie, en Suède, en Danemarck, en Hollande que j'ai trouvé les meilleures sympathies littéraires. - En France je suis incompréhensible; à Paris j'ai des lecteurs et des amis, en province, rien. - Au reste, pour le moment un désintéressement absolu de tout art se manifeste ici. Tout est à la politique - à l'inquiétude d'une prochaine guerre, aux désastres commerciaux qui s'aggravent. L'art de grand luxe qu'est la littérature n'a plus rien à faire dans les besoins d'un peuple, dirigé au hasard, épris de bataillons scolaires, de cuisine démocratique, absurde.

Cela nous prépare une génération de lecteurs élevés commercialement; ce que celle-là se fichera de la page écrite, du rare!

Mais laissons cela - j'aime mieux vous remercier simplement de votre bonne lettre et me dire heureux que le volume vous ait plu¹. - Les critiques que vous me signalez sont exactes. - Et il y en a d'autres certainement, à faire. Ce que je voulais et la seule chose à laquelle je tiens dans ce livre qui n'est point mon préféré², c'est le côté paysan - parce que je le crois neuf, pas fait encore, avec le vrai parler du paysan, sa silhouette juste. J'ai tenté de le faire textuel, ni agrandi et déclamatoire comme les Cladel, ni affadi comme ces butors d'opérettes qu'a créés cette vieille danseuse de revue qu'on nommait la Sand. Vous aimez mon oncle Antoine et la tante Norine³ et cela m'éjouit.

Quant à la partie rêve - qui fait un singulier effet, avec ses cahots forcés - dans ce livre exact - je l'ai faite la plus scientifique et précise dans l'irréel possible. - Un, Esther⁴, sans filiation de souvenirs - un autre, la lune avec filiation d'idées, montrée⁵ - le troisième, cauchemar incohérent, pur - formé par des bribes de perceptions antérieurement acquises, de souvenirs réels déformés, mal liés comme dans le rêve. - Et c'est, en effet, autant que les philosophes anglais, James Sully et Radestock⁶, le démontrent et que je l'ai moi-même éprouvé, les 3 seuls états de fictions de songes qui existent. Le mystère du sommeil peuplé de visions n'étant pas encore percé, et le résumé des études que j'ai faites sur cette question ayant abouti à cette division en 3 catégories que James Sully et les autres seront obligés de faire, un jour, alors qu'ils élucideront plus nettement cette matière si confuse encore.

La littérature russe dont vous me parlez me subjuge fort. Je suis atterré par la prolixité russe comme par la prolixité anglaise. Plus ça va, plus je voudrais enfermer beaucoup en quelques phrases décisives - faire des essences d'art - écrire des romans pleins et courts. À ce point de vue Tolstoï me gêne et *Les Âmes Mortes* de Gogol, si longues, si dévidées en phrases inutiles qui vaudraient d'être condensées - mais aussi quel train-train de vie, quel manque d'apprêt, quel va je te pousse de la vie réelle, supérieurs aux nôtres! Et cette fièvre de *Crime et Châtiment* - un beau livre en dépit de tout, un livre inquiétant, ouvrant des caves inexplorées d'âme, les éclairant de lueurs sulfureuses, uniques! Quelles trouvailles! je les ai bien souvent enviées. - Non, nous ne valons pas mieux que les artistes russes. Les procédés sont différents - mais à part Flaubert, seul - nous n'avons personne à opposer réellement aux psychologies russes, formidables et aigues.

J'eus voulu vous envoyer, comme vous le désirez, une photographie, mais je n'en ai aucune. Je vous adresse par contre une gravure sur Wathman, faite d'après une photographie. - C'est à peu près ressemblant. J'y joins, cher monsieur, une bien cordiale poignée de main.

Votre J. Huysmans.

ПЕРЕВОД:

Париж, 12 июня 87 г.

Да нет же, дорогой мой господин Урусов, не пренебрегаю я вовсе, как вы говорите, мнением русского читателя. Именно в России, Швеции, Дании, Голландии к моему творчеству отнеслись наилучшим образом. - Во Франции я непонятен; в Париже у меня есть читатели и друзья, в провинции - ничего. - Впрочем, в данное время здесь проявляется полная незаинтересованность во всяком искусстве. Все заслонено политикой - беспокойством перед грядущей войной, учащающимися коммерческими катастрофами. Предмет великой роскоши, каким является литература, не занимает больше никакого места в потребностях народа, руководимого на авось, увлеченного школьными батальонами, демократической кухней, бессмысленной.

Это готовит нам поколение читателей, воспитанных в коммерческом духе, что в свою очередь значит полное пренебрежение писаной страницей, всем необычным!

Но оставим это - я предпочитаю просто поблагодарить вас за ваше милое письмо и сказать, как я рад, что книга вам понравилась¹. - Критические замечания, которые вы мне делаете, точны. - И, конечно, можно сделать еще и ряд других. Чего я хотел и чему я единственно придаю значение в этой книге, отнюдь не самой моей любимой², это изображение крестьянской жизни - потому что я считаю это новым, еще не сделанным, особенно подлинный говор крестьянина, его точный облик. Я стремился к буквальная передаче, без преувеличения и декламации, как у разных Кладелей, но и без банальности, как у опереточных олухов, созданных этой престарелой эстрадной плясуньей, которую называли мамашей Санд. Вам нравится мой дядя Антуан и тетка Норина³, и это меня радует.

Что касается сновидений - части, создающей благодаря своим резким толчкам необычный эффект - в этой точной книге, - то я сделал ее настолько научно и ясно, насколько это возможно по отношению к нереальному. Одно - это Эсфирь⁴ без разветвления воспоминаний; другое - луна с разветвлением идей, показанным мной⁵; третье - кошмар бессвязный, чистый, образованный из обрывков ранее полученных восприятий, деформированных реальных воспоминаний, плохо связанных между собой, как во сне. - И это, действительно, как показывают английские философы Джеймс Салли и Рейдсток⁶ и как испытал я сам, единственные 3 существующие разновидности фантазий снов. Ибо тайна сна, населенного видениями, еще не раскрыта, а итог исследований, проведенных мной по этому вопросу, привел к этому делению на 3 категории, которое Джеймс Салли и другие должны будут произвести рано или поздно, когда они более четко разберутся в этом еще таком неясном вопросе.

Русская литература, о которой вы мне говорите, сильно меня поработает. Я ошеломлен русским многословием, как и многословием английским. Чем дальше, тем больше я хотел бы заключить многое в несколько окончательных фраз - создавать эссенции искусства - писать романы полные и краткие. С этой точки зрения Толстой меня смущает, и "Мертвые души" Гоголя тоже, такие растянутые, разматывающиеся клубком бесполезных фраз, которые следовало бы уплотнить, - но вместе с тем какое течение жизни, отсутствие принужденности, какая естественность реальной жизни, превосходящие наши! А это лихорадочное "Преступление и наказание" - прекрасная книга, несмотря на все, книга беспокоящая, открывающая неизведанные подземелья души, освещающая их отблесками сернистого пламени, единственными в своем роде. Какие находки! Я часто им завидовал. - Нет, мы не стоим больше, чем русские художники. Приемы различны - но за вычетом Флобера, одного только его - нам некого реально противопоставить русским с их огромным и глубоким психологическим мастерством.

Я хотел послать вам, как вы желаете, фотографию, но у меня ни одной нет. Направляю вам взамен гравюру на ватмане, сделанную по фотографии. - Это почти похоже. Присоединяю к этому, милостивый государь, весьма сердечное рукопожатие.

Ваш Ж. Гюисманс.

РГБ, ф. 311.17.12.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о романе Гюисманса "У пристани" ("En rade", 1887; рус. пер. 1923), печатавшемся в журнале "La Revue Indépendante" с ноября 1886 по апрель 1887 г. и вышедшем в свет

отдельным изданием в издательстве Tresse et Stock 26 апреля 1887 г. В основу романа легли впечатления от пребывания в замке Лурпс в 1884 и 1885 гг.

² В письме к Золя Гюисманс признавал, что роман плохо построен (*Huysmans J.-K. Lettres inédites à Emile Zola*, p. 127, vers le 2 juin 1887).

³ Действующие лица романа "У пристани" - управляющий замком и его жена.

⁴ Герою романа Жаку Марлю предстает в сновидении женский образ, который он затем отождествляет с библейской Эсфирью.

⁵ В другом своем сновидении Жак Марль видит себя вместе с женой посреди лунного пейзажа.

⁶ Джеймс Салли (1842-1923) - английский психолог, последователь Фехнера, Гельмгольца и Вундта; речь идет о его работе "Об иллюзиях. Психологическое исследование" ("On illusions. A psychological study", 1881), переведенной на французский язык под названием "Иллюзии чувств и ума" ("Les illusions des sens et de l'esprit", 1883); Рейдсток - Пауль Радешток, немецкий (а не английский, как его называет Гюисманс) психолог того же направления, что и Салли; речь идет о его работе "Сон и сновидение. Физиолого-психологическое исследование" ("Schlaf und Traum. Eine physiologisch-psychologische Untersuchung". - Leipzig, 1879).

2.

Париж. 12 февраля 1888

Cher monsieur,

Vous êtes vraiment admirable! Si nous avons en France des lecteurs tels que vous! - mais ici tout le monde se fiche de l'art et d'ailleurs est inapte à le comprendre; la grande tare est le style - n'est lu et compris que le livre écrit en langue de journaliste. C'est admirable vraiment.

Baudelaire, mort depuis longtemps, pouvait être considéré comme révéral, comme assis; point - à défaut d'intelligence, on pouvait espérer chez les imbéciles qui font la critique à Paris, un certain lieu commun de respect. La *Correspondance*¹ paraît. - Aussitôt les mêmes vases d'ordures et de niaiseries se versent sur la tête. La sottise n'a pas varié. Elle s'est repassée, identique, au travers des générations. C'est l'âme même du pays. Haine de la phrase écrite, exécution de l'idée neuve. On nous hait, on nous meprise, hurlait Flaubert. - Comme il proférait juste!

Que vous dirai-je de neuf en littérature? Rien - je vis absolument à l'écart des gens de lettres - profondément dégoûté de leur mauvaise foi et de leurs manies. Plus je les vois et plus je me terre. À part Zola, Goncourt, d'Aureville, Villiers, qui sont pour moi d'inaltérables et vieux amis, je fuis - surtout la génération montante qui est affreuse, résolue à arriver à tout, par n'importe quels moyens sans aucune probité d'art. À ce - avez-vous lu le pamphlet sauvage de Léon Bloy "Le désespéré" - livre bizarre, mystique et féroce, d'un homme crevant de faim et en retraite parfois dans les couvents. Si non - je m'arrangerai de façon à vous en envoyer un exemplaire, avec la clef des noms². C'est un homme qui a des éclairs, des trouvailles de style superbes, du talent noyé dans de la nuit. - C'est une des choses les plus curieuses qu'ait produit ce temps; fulguration et gâchis - haine d'inquisiteur et de cannibale, tendresses d'enfant et de bon chien. Il faut absolument que vous lisiez cela. - Ce livre tiré à peu et épuisé a été éteint par la presse qui a menacé de sa vindicte tout éditeur qui oserait le prendre - un mot - je vous l'envoie.

Il y a si peu de livres maintenant qui vous fassent un peu trépider et courir ce petit frisson qui est le meilleur guide d'une oeuvre. - Je trouve la *Terre*³ de Zola, volume beau de cadre, emplis de paysages grandiloquents, animé par instants d'une gaîte énorme, mais des paysans? ils parlent tous comme le ménage de Boche - ne sont ni observés, ni vus. C'est toujours la même chose - personnages fictifs dans des cadres justes et agrandis. Zola est un magnifique peintre décorateur de théâtre, pour nature morte. Sauf l'*Assomoir* où il connaissait les acteurs - depuis c'est bien artificiel, bien pauvre de psychologie et d'analyse - bien faible de langue, s'amoindrissant, versant à mesure dans un style de revue, sans soucis et sans soins. À ce point de vue je me désintéresse et comme Goncourt m'intéresse plus! - comme Baudelaire et Flaubert étaient réellement artistes, fureteurs et inquiets!

Maintenant, je dois le dire, je suis arrivé à une maladie d'art. Je suis plus pris par une phrase de Verlaine ou de Villiers, ou de Bloy que par toutes ces grandes machines, sans dessous, sans lucarnes d'âme, sans suggestion morbide d'art. A ce point de vue Des Esseintes ⁴ m'est bien proche.

Merci du remède des coryzas - mais il me semble facile à suivre - c'est l'Eguisier ⁵ avec canule différente - je ne dis pas que je ne vais l'essayer. J'ai l'eau chez moi et d'une violence de robinet inouïe. - Ne m'envoyez donc pas l'appareil. Je crois pouvoir y suppléer aisément et cuirasser mes soutes nasales par puissants jets. Ce qui laisse rêveur, c'est le trou dans la Néva - avec 20 degrés - cristi! je me suis senti près d'un poêle en grande marche, froid dans le dos à cette seule idée. - Que non! Que j'aimerais à voir la Russie - mais... mais... cela m'est refusé pour longtemps. Je dois pendant 2 années m'exiler au Zuydersée, car j'ai toute une oeuvre énorme à faire sur la Hollande qui m'est commandée par une grande librairie ⁶. Cela me sied assez - mais c'est un travail énorme et il faut que j'utilise mes congés à aller prendre des notes. J'ai 3 ans pour faire le volume - vous voyez d'ici le travail et les courses.

J'espère, en attendant, que vous viendrez comme il fut dit, en avril à Paris. Nous pourrons causer et rêvasser tout haut, un peu. Puis je vous ferai connaître Villiers ⁷, le seul causeur lyrique qui existe, dans ces misérables temps.

Je vous envoie, cher monsieur et ami, une bonne poignée de main.

Votre J. Huysmans.

Russie,
Monsieur Ouroussoff.
Sergiefska, 56,
à St.-Petersbourg.

ПЕРЕВОД:

Сударь,

Вы поистине восхитительны! Если бы у нас во Франции были читатели такие, как вы! - но здесь все ни во что ставят искусство, да и неспособны его понять; большим изъяном является стиль - читаема и понимаема лишь книга, написанная газетным языком. Это поистине восхитительно. К Бодлеру, давно умершему, уже можно было относиться почтительно, можно было считать его репутацию устойчивой; ничего подобного, хотя была надежда, что дураки, занимающиеся критикой в Париже, за недостатком ума будут соблюдать общепринятые приличия. Выходит в свет *Переписка* ¹. - Тотчас же горшки нечистот и вздора выливаются ему на голову. Глупость не изменилась. Она прошла нетронутой через поколения. Это самая душа страны. Ненависть к писаной фразе, отвращение к новой идее. Нас ненавидят, нас презирают, выл Флобер. - Каким пророком он оказался!

О чем новом в литературе вам рассказать? Ни о чем - я живу совершенно в стороне от литераторов - исполненный глубокого отвращения к их недобросовестности и к их причудам. Чем больше я их наблюдаю, тем больше зарываюсь в свою нору. За исключением Золя, Гонкура, д'Оревилли, Вилье, являющихся для меня неизменными и старыми друзьями, я избегаю всех и особенно восходящее поколение, ужасное, полное решимости преуспеть во что бы то ни стало, любыми способами, не обладая никакой порядочностью в искусстве. К слову - читали вы страшный памфлет Леона Блуа "Отчаявшийся" - книгу странную, мистическую и жестокую, принадлежащую человеку, околевавшему с голода и находящему иногда убежище в монастырях? Если нет - я условлюсь, чтобы вам был послан экземпляр, с ключом к именам ². У этого человека бывают озарения, великолепные стилистические находки, он наделен талантом, погруженным во мрак ночи. Это одно из наиболее любопытных явлений, рожденных нашим временем; удар молнии и бесформенное месиво - ненависть инквизитора и каннибала, нежность ребенка и доброй собаки. Совершенно необходимо, чтобы вы это прочли. - Вокруг этой книги, вышедшей небольшим тиражом и разошедшейся, был организован заговор молчания прессой, угрожавшей карами всякому книгопродавцу, который осмелился бы ее принять; - одно лишь слово - и я вам ее пошлю.

Сейчас так мало книг, заставивших бы вас вздрогнуть и испытать тот легкий трепет, который является лучшим указанием на произведение искусства. - Я нахожу *Землю*³ Золя книгой прекрасной по обрамлению, насыщенной красноречивыми пейзажами, одушевленной временами громадным весельем, но крестьяне? они все говорят, как семейка бошей, - их ни наблюдали, ни видели. Все время одно и то же - искусственные персонажи в верном, хотя и преувеличенном обрамлении. Золя - великолепный театральный живописец, мастер натюрморта. За исключением *Западни*, где он знал актеров, - все у него весьма искусственно, бедно в отношении психологии и анализа, слабо по языку, и все только ухудшается, постепенно опускаясь до газетного стиля, беззаботного и небрежного. С этой точки зрения я теряю к нему интерес, и насколько больше интересуется меня Гонкур! - насколько Бодлер и Флобер были действительно артистичны, неутомимы в поисках и беспокойны!

В настоящее время, должен сказать, я дошел до одержимости искусством. Меня более захватывает одна фраза Верлена, или Вилье, или Блуа, чем все эти огромные построения, в которых нет ни тайников, ни слуховых окон души, ни утонченных способов внушения с помощью искусства. С этой точки зрения Дез Эссент⁴ мне очень близок.

Спасибо за средство от насморка - но мне кажется, оно легко доступно - это Эгизье⁵ с другим законечником - я не говорю, что не испробую его. У меня дома есть водопровод и неслыханный напор воды в кране. - Поэтому не посылайте мне аппарат. Я думаю, что смогу легко заменить его и закалять броню моих носовых трюмов мощными струями. Что заставляет задуматься, так это прорубь в Неве - при 20 градусах - тьфу, пропасть! Находясь у раскаленной печи, я почувствовал, как у меня проходит по спине дрожь от одной мысли об этом. - О нет! Как я хотел бы увидеть Россию - но... но... в этом мне на долгое время отказано. Я должен на два года переселиться на Зюйдерзее, ибо мне надо осуществить целый огромный труд о Голландии, заказанный одним большим издательством⁶. Это меня вполне устраивает, - но труд огромен, и мне придется использовать отпускное время для подготовительной работы. На этот том мне дано 3 года - отсюда вы можете представить себе, сколько мне предстоит работать и разъезжать.

Я надеюсь тем временем, что вы, как было сказано, приедете в апреле в Париж. Мы сможем немного побеседовать и помечтать вслух. Потом я познакомлю вас с Вилье⁷, единственным лирическим собеседником, существующим еще в эти убогие времена.

Посылаю вам, сударь и друг, крепкое рукопожатие.

Ваш Ж. Гюисманс.

Россия,
Господину Урусову.
Сергиевская, 56,
в С.-Петербурге.

РГБ, ф. 311.17.12. Датируется по штемпелю на конверте. На письме помета Урусова: reçu le 7-19 février 1888. А. О. (получено 7-19 февраля 1888 г. А. У.); штемпель получения в СПб. - 4 февраля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о подготовленном Эженом Крепе томе: *Charles Baudelaire. Oeuvres posthumes et Correspondances inédites* (Quantin éd., 1887). Книга вызвала появление статьи Ф. Брюнетьера в "La Revue des Deux Mondes" (1er juin 1887, p. 695-706), о которой Гюисманс говорит в одном из писем к Золя 1887 г., называя ее автора "дураком" (*Huysmans J.-K. Lettres inédites à Emile Zola*, p. 128). Заклучая свою статью, Брюнетьер писал: "Теперь, когда все источники сведений исчерпаны, все *Произведения* опубликованы, равно как вся *Переписка*, все анекдоты и документы, у нас есть гарантия того, что нам не будут снова говорить об этом прославленном мистификаторе, единственное извинение которого в том, что он был обманут собственными мистификациями. Но разве это извинение?"

² Неизвестно, выполнил ли Гюисманс свое обещание Урусову относительно "ключа" к роману Блуа "Отчаявшийся", ибо в архиве Урусова этот документ отсутствует. В то же время нам удалось обнаружить собственноручный "ключ" Блуа к роману, адресованный некоему г-ну Дюпару, в составе коллекции иностранных автографов РГАЛИ (ф. 1347, оп. 4, ед. хр. 8). Большинство содержащихся в нем указаний на прототипы известны исследователям творчества Блуа, однако не исключено, что одно-два из них остались вне поля их зрения. Приводим текст:

Clef du Désespéré

Alexis Dulaurier	Paul Bourget
Robin des Bois	Dr. Albert Robin
<i>le Basile</i>	<i>le Figaro</i>
Alcide Lerat	Louis Nicolardot
le Juif Nathan	Arthur Meyer
Magnus Conrart	Francis Magnard
Gaston Chaudesaignes	Alphonse Daudet
Raoul Denisme	Paul Arène
Léonidas Rieupeyroux	Léon Cladel
Hamilcar Lecuyer	Jean Richepin
Andoche Sylvain	Armand Sylvestre
Gilles de Vaudoré	Guy de Maupassant
Nestor de Tinville	Henri Fouquier
Octave Loriot	Albert Delpit
Denizot	Aurelien Scholl
Adolphe Busard	Auguste Vitu
Germain Gâteau	Philippe Gille
Hilaire Dupoignet	Paul Bonnetain
Chlodimir Desneux	Elémir Bourges
Jules Dutrou	Edmond Deshaumes
Félix Champignolle	Felicien Champsaur
Hippolyte Maubec	Mermeix
Mérovée Bauciers	Francisque Sarcey

Leon Bloy.

Mr. Dupart,
34, Rue Du Tour.

³ Роман Золя "Земля" (XV том "Ругон-Маккаров") первоначально печатался фельетонами в газете "Gil Bias" с 28 мая по 15 сентября 1887 г., затем был издан отдельной книгой в издательстве Charpentier et Cie. Публикация романа в газете вызвала появление 18 августа 1887 г. в газете "Le Figaro" "Манифеста против *Земли*", под которым подписались Поль Боннетен, Ж.-А. Рони, Люсьен Декав, Поль Маргерит и Гюстав Гиш и который обозначил разрыв близкой к Золя литературной молодежи с натурализмом. В письмах к Золя Гюисманс осуждает манифест и дает автору значительно более комплиментарную оценку "Земли", нежели в письме к Урусову (*Huysmans J.-K. Lettres inédites à Emile Zola*, p. 129-130, 135-136).

⁴ Герой знаменитого романа Гюисманса "Наоборот" ("A Rebours", 1884), упадочно-утонченный эстет.

⁵ Эгизье - разновидность медицинского ирригатора, изобретенная врачом Эгизье.

⁶ Сведений об этом замысле Гюисманса обнаружить не удалось.

⁷ Знакомство Урусова с Вилье де Лиль Аданом в 1888 г., видимо, не состоялось, а 19 августа 1889 г. писатель умер.

3.

Париж. 2 апреля 1893

Paris, 2 avril 1893.

Mon cher ami,

J'ai reçu avec votre lettre votre photographie; merci. J'ai fini l'an 1892 dans des ennuis, avec une presse m'aboyant aux chasses parce que j'étais parti au monastère de la Trappe¹.

J'ai commencé 1893 avec de plus ennuyeuses histoires encore, la mort du Dr. Johannes de *Là Bas*, la presse déclarant qu'il avait été tué par envoûtement; bref, toute une revue du moyen âge, où j'ai été mêlé².

Je ne tire de toutes ces histoires que la mince satisfaction d'avoir détraqué la cervelle de mes contemporains!

A part cela, rien; je suis plongé dans un roman qui va me tenir plus d'un an encore³. J'ai passé une année déjà en voyages et en récolte de documents et de notes!

Il y a des jours où je m'indigne contre moi-même de cette abominable duperie de se donner tant de mal pour un public qui s'en fiche! ou qui vous fait des succès à côté, et de mauvais aloi, n'acceptant dans les livres que la partie inférieure! Enfin!

Comme vous voyez, vous n'êtes pas près encore de recevoir mon prochain livre, en admettant encore que la censure russe ne me joue pas le tour de *Là Bas*⁴.

Et dire qu'on me rebat pourtant les oreilles avec l'alliance franco-russe!!!⁵

Pas de nouvelles littéraires à vous envoyer de Paris. La littérature est dans le marasme. Il ne paraît rien d'intéressant, rien qui vaille qu'on s'occupe; tout est mangé par la politique, le Panama!⁶

Il est vrai que c'est du Balzac vécu. Lui seul aurait pu inventer Cornelius Herz⁷. Est-il assez de la *Comédie humaine*, celui-la! Et comme l'*Argent*⁸ de Zola est petit et puéril à côté de ce formidable Krach et de ces stupéfiants personnages, de haute taille!

J'espère vous voir, cet an, et vous envoie en attendant, mon cher ami, une bonne poignée de main.

Bien à vous J. Huysmans.

Monsieur le prince Ouroussof,
rue Arbate, ruelle Nicolski, 19,
à Moscou.
Russie.

ПЕРЕВОД:

Париж, 2 апреля 1893 г.

Мой дорогой друг,

Я получил вместе с вашим письмом вашу фотографию; спасибо. Я закончил 1892 год в неприятностях, среди лая прессы, поднятого в связи с моим отъездом в траппистский монастырь¹.

1893 год начался у меня с еще более неприятных историй, смерти д-ра Жоанна из *Там внизу*, причем пресса объявила, что он был убит колдовством; короче говоря, настоящее воскрешение средних веков, в которое я был замешан².

Из всех этих историй я извлекаю лишь скудное удовлетворение сознавать, что вызвал умственное расстройство у своих современников!

Кроме этого, ничего; я погружен в роман, который продержит меня еще больше года³. Я провел уже целый год в путешествиях и собирании документов и заметок!

Бывают дни, когда я возмущаюсь самим собой как чудовищным простофилей, причиняющим себе столько затруднений ради публики, которой плевать на это! или которая удостаивает вас побочного успеха к тому же низкой пробы, принимая в книгах лишь их худшую сторону! Ну, пусть так!

Как видите, вы еще не скоро получите мою будущую книгу, допуская даже, что русская цензура не сыграет со мной такую же штуку, как с *Там внизу*⁴.

Стоит ли говорить, что мне прожужжали однако уши франко-русским союзом!⁵

Парижских литературных новостей у меня для вас нет. Литература находится в маразме. Не выходит ничего интересного, ничего, что бы стоило потраченного на него времени; все съедено политикой, Панамой!⁶

Поистине это воплощенный Бальзак. Он один мог бы выдумать Корнелиуса Герца. Он прямо-таки из *Человеческой комедии*, этот Герц⁷. И как ничтожны и наивны *Деньги* Золя⁸ рядом с этим колоссальным Крахом и этими поразительными, исполинскими персонажами.

Надеюсь увидеть вас в этом году, а пока посылаю вам, мой дорогой друг, крепкое рукопожатие.

Весьма расположенный к вам
Ж. Гюисманс.

Господину князю Урусову,
улица Арбат, Никольский переулок, 19,
в Москве.
Россия.

РГБ, ф. 311.17.12.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пройдя через интерес к сатанизму и оккультным наукам, отраженный в романе "Там внизу", Гюисманс испытал духовный кризис, достигший своего апогея в 1892 г. В это время он сближается с аббатом Мюнье (1852-1944), впоследствии отслужившим заупокойную мессу над Прустом, и по его совету с 12 июля 1892 г. проводит неделю в траппистском монастыре Нотр-Дам д'Иньи, возле Фима (Fismes, департамент Марна). Сначала "Фигаро" (в номере от 30 июля 1892 г.), а затем другие газеты подхватили сенсационную новость об обращении к католицизму видного писателя натуралистического, а затем декадентского направления.

² Речь идет о священнике-расстриге Жозефе Антуане Буллане (Boullan), проживавшем в Лионе и отправлявшем черные мессы. Гюисманс вступил с ним в переписку в 1890 г. Известно также, что он встречался с ним во время двухнедельного пребывания в Лионе в июле 1892 г. после пребывания в траппистском монастыре (см.: *Ridge George Ross. Joris Karl Huysmans. — N.Y., 1968. — P. 29*).

³ Гюисманс имеет в виду работу над романом "В пути" ("En route"), вышедшем в свет в издательстве Gresse et Stock 23 февраля 1895 г.

⁴ Вероятно, речь идет о том, что цензура не пропустила посланный Гюисмансом Урусову по почте роман "Там внизу".

⁵ Имеется в виду франко-русский союз, заключенный в 1892 г., легший в основу будущей Антанты и вовлекший Россию в войну 1914-1918 гг.

⁶ Речь идет о знаменитом скандале вокруг деятельности компании Панамского канала, который возник во Франции в 1892-1893 гг.; в процессе расследования обнаружилась грандиозная система подкупа депутатов, должностных лиц и прессы.

⁷ Корнелиус Герц (ум. 1898) - финансист, один из главных обвиняемых по делу компании Панамского канала.

⁸ Роман Золя "Деньги" печатался фельетонами в газете "Gil Blas" с 30 ноября 1890 по 4 марта 1891 г., после чего был выпущен отдельным изданием. Хотя следствие по делу компании было начато 22 июня 1891 г., ее крах в 1889 г. привлек к себе широкое общественное внимание, и можно считать, что ее деятельность нашла отражение в изображенном Золя Всемирном банке Саккара. Гюисманс считает, что Золя оказался не на высоте своей задачи, которая была бы по плечу только Бальзаку.

Mon cher ami,

Merci de votre envoi des féroces fleurettes¹: d'aucune, avec sentences brutales sur notre charogne, ne sont point pour me déplaire.

Mais ce qui commence à me laisser rêveur - c'est l'inlassitude que vous temoignez des émois charnels. Moi, je ne sais, cela m'apparaît encore plus ridicule que malpropre. J'ai été, pendant bien des années, un vrai porc ne rêvant qu'à renifler de fétides auges, mais ce que tout cela m'apparaît loin!

La Trappe m'a déraciné d'inutiles luxures et libéré du servage des chairs². Aujourd'hui, la beauté de la femme ne m'apparaît plus corporellement, ou du moins celle-là ne m'intéresse guère. J'ai été par mes relations de cloître et par des êtres extraordinaires dont *En route*³ m'amena la connaissance, à même de voir une beauté vraiment divine, et cela chez des femmes dont personne ne remarquerait le visage, tant il semble au premier abord ordinaire et obscur.

Mais causez de Dieu avec ces mystiques et l'illumination se fait. L'âme sort par les yeux - c'est magnifique!

Je connais ainsi une vieille abbesse, une Sainte; ce qu'elle est plus belle que toutes les Vénus du monde, ou du moins ce que la beauté des Vénus est plate, vulgaire, morte à côté de ces transfigurations, de ces vies d'au-delà - de ces vraies et augustes amoureuses.

Une femme amoureuse d'un homme vole en somme ce qu'elle doit à Dieu. C'est une déchéance et quand même sa beauté ne peut plus être que médiocre.

Et puis, qu'est-ce que l'amour humain, sinon en fin de compte l'accord d'un calibre s'ajustant avec un pertuis qui se graisse plus ou moins et rend le frottement plus ou moins délectable.

Point n'ai d'observations à faire sur votre Baudelaire⁵, sinon qu'il est très soigneusement creusé, très exact et qu'il serait bien utile d'avoir pour tous les auteurs que l'on aime un travail pareil.

Je viens de terminer mon livre!⁶ - ouf!! mais je ne le ferai pas paraître avant février, ce fatras énorme de documents sur des idées abolies par le goût de nos temps.

A bientôt, cher ami, et bien cordialement à vous.

J. Huÿsmans.

Russie,
Monsieur le prince Ourousof,
rue Nicolski, 19, rue Arbate,
à Moscou.

ПЕРЕВОД:

Париж, 12 июня 1897 г.

Мой дорогой друг,

Спасибо за присланные вами колючие цветочки¹: некоторые из них с их беспощадными суждениями о нашей мерзкой плоти мне очень понравились.

Но что начинает приводить меня в задумчивость - это ваш неустанный интерес к плотским волнениям. Не знаю, но мне они кажутся скорее смешными, чем нечистоплотными. В течение многих лет я был настоящей свиньей, только и мечтающей, чтобы втягивать в себя запахи зловонных корыт, но как все это чуждо мне теперь!

Траппистский монастырь выкорчевал из меня бесполезное сластолюбие и освободил от рабства плоти². Ныне женская красота не предстает мне более как телесная, или, по крайней мере, последняя меня не интересует. Мне приходилось даже, благодаря моим монастырским встречам и необыкновенным существам, к знакомству с которыми меня привело *В пути*³, видеть поистине божественную красоту, и это у женщин, лица которых никто не заметил бы, таким оно кажется на первый взгляд заурядным и ничего не говорящим.

Но поговорите о Боге с этими мистиками, и происходит озарение. Душа сквозит из глаз - это великолепно!

Так, я знаю старую аббатису, Святую; насколько она прекраснее, чем все Венеры мира, или, по крайней мере, как красота этих Венер плоска, вульгарна, мертва рядом с этими

преображениями, с этими потусторонними жизнями - с этими истинными и возвышенными влюбленными.

Женщина, влюбленная в мужчину, в сущности крадет то, что она должна Богу. Это - падение, и отныне ее красота, какой бы она ни была, может быть лишь посредственной.

И потом, что такое человеческая любовь, как не, в конце концов, соответствие калибра отверстию, более или менее покрываемому смазкой, делая тем самым трение более или менее отрадным.

Никаких замечаний по поводу вашего Бодлера⁴ у меня нет, кроме того, что он весьма тщательно изучен, весьма точен и что подобную работу было бы очень полезно иметь по всем авторам, которых любишь.

Я только что завершил мою книгу!⁵ - уф!! но я не выпущу ее в свет раньше февраля, этот огромный ворох документов об идеях, упраздненных современным вкусом. До скорого свидания, дорогой друг, и сердечно ваш.

Ж. Гюисманс.

Россия,
Господину князю Урусову.
Никольский переулок, 19,
улица Арбат,
в Москве.
РГБ, ф. 311.17.12.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет, как об этом свидетельствует письмо Урусова к сестре от 5-17 июня 1897 г. (Князь А. И. Урусов. - Т. 3. - С. 131), о публикации Урусова в журнале "La Plume" (1897, 1er mai, № 193, р. 264-265): "На полях жизни. Заметки" ("En marge de la vie. Notules") за подписью А. О. Здесь напечатано восемнадцать афоризмов в духе Шамфора; затем последовало продолжение под заглавием "Необычные размышления" ("Réflexions insolites") (1897, 1er juin, № 195, р. 343) за подписью Le Père Colmiche, после чего в № 196 (1897, 15 juin, р. 381) под первоначальным названием "На полях жизни" был дан один афоризм за подписью Le Père Colmiche.

² После первого посещения траппистского монастыря Нотр Дам д'Иньи в июле 1892 г. Гюисманс побывал там в августе 1893 и в июле 1897 г.

³ "В пути" ("En route", 1895) - роман Гюисманса, отразивший его обращение к католицизму.

⁴ Речь идет об исследованиях Урусова "Варианты "Цветов зла": Очерк о тексте первого издания в сравнении со вторым, исправленным автором" и "Скрытое построение "Цветов зла"", напечатанных в 1896 г. в Париже в сборнике "Надгробие Бодлеру" ("Le Tombeau de Baudelaire").

⁵ Имеется в виду роман Гюисманса "Собор" ("La Cathédrale"), опубликованный в начале февраля 1898 г. издательством Stock.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ КНЯЗЯ А. И. УРУСОВА И ЛЕОНА БЛУА

1.

Леон Блуа - А. И. Урусову
Париж. 5 июня 1888

Paris, 5 juin 88

Mon cher prince,

Assurément je vous prendrai pour avocat, s'il m'arrive jamais d'avoir besoin d'être défendu.

J'accepte votre offre avec la plus vive reconnaissance et je l'inscris avec le plus grand soin.

Mais je ne crois pas que l'occasion soit prochaine. On a bien trop peur du retentissement de mon nom pour me gratifier de la reclame d'un gros procès.

Vous êtes exquis de m'avoir envoyé votre image et j'ai le chagrin de ne pouvoir vous payer de retour immédiatement. Je m'en souviendrai pourtant, et je réglerai ce compte aussitôt que je le pourrai.

Vous avez raison de me conseiller la Nuance¹. Je la cherche, croyez-moi, éperdûment. Mais combien cela m'est difficile!

On n'écrit jamais qu'avec son tempérament, et le mien, je vous assure, est assez terrible.

Vous auriez tort, cependant, de me croire un pessimiste². C'est une illusion d'optique.

Je suis, au contraire, un optimiste enragé, un fanatique, un Torquemada d'optimisme, et c'est pour cela que j'ai tout l'air de haïr les gens.

Je maudis le présent comme un obstacle à l'avenir, voilà tout.

Je suis un écrivain sourcilleux et solitaire, inapprivoisable et inépousable, absurdement rongé d'un christianisme utopique et d'une boulimique fringale de Justice.

On affirme que je suis plein de talent et même de génie - on va jusque là. - C'est mon droit, peut-être.

En conséquence, je crève de misère et c'est bien fait.

J'ai eu trois femmes. La première est devenue folle³, j'ai recueilli le cadavre incomplet de la seconde sur une dalle d'amphithéâtre⁴ et la troisième, une créature exquisite, est morte asphyxiée par le tétanos dans des convulsions de démoniaque⁵.

Moi, pendant huit ans que ces choses ont duré, j'ai fait cinquante métiers horribles. Finalement, j'ai mendié sans vergogne pour l'infortunée dernière qui était ma fontaine de vie et que je voyais mourir pour sa peine de m'avoir aimé.

Aussitôt que je me suis avisé d'écrire, j'ai vu se fermer devant moi avec le fracas de l'épouvante toutes les portes imaginables et trois livres publiés⁶ - Dieu sait au prix de quels efforts! n'ont pu me donner un morceau de pain.

Quand je faisais mon dernier livre⁷, non seulement je ne pouvais travailler en sécurité, mais souvent je ne pouvais subsister d'aucune façon. Je passais des journées à errer comme un aliéné, uniquement pour ne pas râler d'inanition et de désespoir vrai dans ma chambre, où la vue de mon oeuvre indéfiniment entravée me donnait des transports de rage.

Je n'ai jamais été secouru par aucun riche, même par ceux qui prétendaient discerner en moi un écrivain supérieur et qui n'auraient eu qu'un seul geste à faire. Les pauvres seuls ont eu pitié de moi et si ma vie ne s'épuise pas dans ces luttes infernales avant que j'aie pu accomplir mon véritable livre, c'est aux pauvres que je le dédierai.

Comment pourriez-vous appeler pessimiste un homme qui a eu cet épouvantable destin et dont l'âme a dégluti toutes les horreurs de l'indignation ou du mépris, sans être jamais parvenu à dilapider en elle-même les lyriques enthousiasmes de l'adolescence?

Oui, en vérité, je crois avoir souffert à peu près tout ce qu'un homme peu souffrir, j'ai pleuré, j'ai crié, j'ai saigné devant toutes les portes de l'enfer, mais Dieu sait que je n'ai pas été un dépositaire infidèle et que même au fond du coeur, par une seule minute de lâche intention, je n'ai jamais prostitué ma pensée.

À cet énorme prix je suis devenu un écrivain dont aucun voyou de lettres n'a le droit de se dire le camarade et je ne juge pas que ce soit payé trop cher.

S'il le fallait je recommencerais à tout endurer. L'Art est une façon d'agonie à laquelle je suis préparé.

Je lutterai comme je pourrai, sans chercher à savoir s'il existe quelque part un oisif gonflé de richesses qui pourrait ou qui voudrait secourir un artiste quel qu'il fût, en se privant d'une infinitésimale portion de son scandaleux superflu. C'est fini toute cette curiosité vaine et mon espérance est ailleurs. J'accomplirai ma destinée connue de Dieu seul et je triompherai quand même si je dois triompher un jour.

Voilà, il me semble, mon cher prince, bien des phrases pour répondre à votre lettre et à l'aimable envoi de votre portrait. Je me suis laissé emballer, je ne sais trop comment. C'est le soleil sans doute.

Pardonnez-moi et soyez assuré, je vous prie, de ma parfaite amitié.

Au prince Alexandre Ourousof,
6, rue Castiglione,
Paris.

[Переадресовка:]
Hôtel Dieudonné,
Ryder Street,
St.-James,
London.

ПЕРЕВОД:

Париж, 5 июня 88 г.

Мой дорогой князь,

Конечно, я возьму вас в адвокаты, если мне когда-нибудь понадобится прибегнуть к защите. Я принимаю ваше предложение с живейшей признательностью и записываю его с величайшим тщанием.

Но я не думаю, что такой случай близок. Резонанса моего имени слишком бояться, чтобы снабдить меня рекламой громкого процесса.

Вы были исключительно любезны, послав мне свое изображение, и я огорчен, что не могу отплатить вам немедленно тем же. Я не забуду об этом, однако, и оплачу этот счет, как только смогу.

Вы справедливо советуете мне прибегать к Ньюансу¹. Я исступленно ищущего его, поверьте мне. Но как мне это трудно!

Пишешь всегда лишь в соответствии со своим темпераментом, а мой, уверяю вас, довольно страшен.

Но вы, однако, ошиблись бы, считая меня пессимистом². Это оптическая иллюзия. Я, напротив, бешеный оптимист, фанатик, Торквемада оптимизма, и именно поэтому создается впечатление, что я ненавижу людей.

Я проклиная настоящее как препятствие к будущему, вот и все.

Я писатель хмурый и одинокий, неприручаемый и неприсоединяемый, душу которого до нелепости разъедают утопическое христианство и неутолимая потребность в Справедливости. Утверждают, что я исполнен таланта и даже гения, - доходят до этого. - Я имею на это право, быть может.

Как следствие я подыхаю от нищеты, и пусть будет так.

У меня было три жены. Первая сошла с ума³, неполный труп второй я собрал на каменном столе анатомического театра⁴, а третья, восхитительное создание, умерла задушенная столбняком в страшных конвульсиях⁵.

Я в течение восьми лет, пока это длилось, испробовал полсотни отвратительных ремесел. Под конец я бесстыдно просил милостыню для последней из этих несчастных, которая была для меня источником жизни и которая умирала у меня на глазах в наказание за то, что меня любила.

Едва я вздумал писать, как увидел, что предо мной со страшным шумом захлопываются все мыслимые двери, и три опубликованные книги⁶ - Бог знает ценой каких усилий! не могли дать мне и куска хлеба.

Когда я писал мою последнюю книгу⁷, я не только не мог работать в безопасности, но часто просто не мог существовать. Я целыми днями бродил как помешанный, лишь бы не хрипеть от истощения и подлинного отчаяния у себя в комнате, где вид моего на неопределенное время приостановленного произведения вызывал у меня приступы ярости.

Мне никогда не помогал ни один богач, даже те из них, кто утверждал, что угадывает во мне значительного писателя, и кому достаточно было бы для этого одного движения руки. Одни лишь бедняки жалели меня, и, если жизнь моя не иссякнет в этих адских битвах до того, как я смогу осуществить свою настоящую книгу, то я посвящу ее бедным.

Как же могли вы назвать пессимистом человека с такой жуткой судьбой, душа которого поглотила все ужасы негодования и презрения, так никогда и не растратив присущего ей юношеского лирического энтузиазма?

Да, по правде говоря, я считаю, что вытерпел почти все, что мог вытерпеть человек, я плакал, кричал, истекал кровью перед всеми вратами ада, но, видит Бог, я не был лжесвидетелем и даже в глубине сердца в минуту душевной слабости никогда не торговал своей мыслью. Этой громадной ценой я стал писателем, которого ни один литературный проходимец не имеет право считать своим товарищем, и я не считаю, что заплатил слишком дорого.

Если бы понадобилось, я претерпел бы все снова. Искусство являет собой род агонии, и я к ней подготовлен.

Я буду бороться, как смогу, не стремясь узнать, существует ли где-нибудь бездельник-толстосум, который мог бы или хотел бы помочь художнику, каков бы он ни был, лишая себя бесконечно малой части своего скандального излишка. Я совершенно покончил с этим пустым любопытством, и моя надежда связана с другим. Я буду следовать своей судьбе, известной одному лишь Богу, и все же восторжествую, если должен когда-нибудь восторжествовать.

Вот, мне кажется, мой дорогой князь, изрядное количество фраз в ответ на ваше письмо и любезную присылку вашего портрета. Я позволил себе увлечься, не знаю даже, как это случилось. Несомненно, виновато солнце.

Простите меня и будьте совершенно уверены, прошу вас, в моей дружбе.

Леон Блуа.
Улица Бломе, 127.

Князю Александру Урусову,
улица Кастильоне, 6.
Париж.
[Переадресовка:]
Отель Дьедонне,
Райдер-стрит,
Сент-Джеймс,
Лондон.

РГБ, ф. 311.17.4. Ответ на письмо Урусова из Парижа от 2 июня 1888 г., в котором тот посылал ему свою фотографию и предлагал услуги как адвокат, если это понадобится (см. вступительную статью).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В своем письме Урусов писал: "Сохраняйте же эту неповторимую смелость говорить все, что вы думаете, - вещь абсолютно антиобщественную, ибо жизнь состоит лишь из компромиссов и умолчаний. Не мне давать вам советы, но я думаю, что если бы время от времени вы слегка приглушали ваш великий гнев, эффект был бы больший. Сдерживаемая холодная ярость еще более действенна, чем взрыв. Контраст, нюансы... но я не собираюсь увязнуть в этих общих местах" (*Ayez ce courage unique de dire tout ce que vous pensez - chose absolument antisociale car la vie n'est faite que de compromis et de réticences. Il ne m'appartient pas de vous donner des conseils, mais je crois que si vous mettiez de temps en temps une sourdine à vos grandes colères, les éclats n'en ressortiraient que mieux. Une fureur contenue et froide est encore plus efficace que l'explosion. Le contraste, les nuances... enfin je ne vais pas m'embourber dans ces lieux communs*) (*Bollery Joseph. Léon Bloy. -Vol. 2. - Paris, 1949. - P. 280*).

² Благодаря Блуа за присылку книг, Урусов назвал его "любезнейшим из пессимистов" (*id.*, p. 279).

³ Речь идет об Анн Мари Рулэ (1846-1907), подруге Блуа с 1877 по 1882 г., когда она была признана душевнобольной и помещена в лечебницу, где оставалась до конца своих дней; Анн Мари явилась прообразом Вероники в романе Блуа "Отчаявшийся".

⁴ Сведений об этой подруге Блуа обнаружить не удалось даже в наиболее полной его биографии, принадлежащей Жозефу Боллери (*Bollery Joseph. Léon Bloy. - Paris, 1947-1954. - Vol. 1-3*).

⁵ Имеется в виду Берт Дюмон (1857-1885), которую Блуа в январе 1884 г. подобрал на улице, как и Анн Мари Рулэ, спасая таким образом от проституции; выведена под именем Клотильд Марешаль в книге Блуа "Бедная женщина" ("La Femme pauvre").

⁶ Речь идет о трех первых книгах Блуа "Открыватель земного шара: Христофор Колумб и его будущее причисление к лику святых" ("Le Révéléateur du globe: Christoph Colomb et sa béatification future", 1884), "Беседы учинителя разрушений" ("Propos d'un entrepreneur de démolitions", 1884) и "Отчаявшийся" ("Le Désespéré", 1887).

⁷ Автобиографический роман Блуа "Отчаявшийся".

2.

А. И. Урусов - Леону Блуа
Москва. 23 мая (4 июня) 1891

Moscou.
1891. Mai 23.

Cher monsieur, je viens de recevoir "La Chevalière de la Mort"¹ et les deux livraisons de la "Plume"² et je vous en remercie. J'ai déjà trouvé un abonné pour cette revue: c'est moi, - car j'ose à peine espérer y placer de ma prose³. Ma reconnaissance pour votre bon souvenir n'en est pas moindre au contraire: je vous lirai dans "La Plume" sans remords, sans frustrer l'éditeur.

Je déplore votre rupture avec Huysmans⁴ que je considère comme un écrivain unique pour l'acuité et le rendu de la vision des choses. Mon credo littéraire étant exclusivement flaubertiste, vous comprendrez facilement que j'hésite à reconnaître la mort du Naturalisme si Naturalisme il y a, car Artistisme serait peut être plus exact quoique excessif? Je retrouve, dans votre attachante brochure, la vigueur et le relief de votre style... mais puis-je risquer une opinion?.. moscovite, mais sincère?: il y a dans ce beau langage deux éléments: l'un est nourri, inspiré, imité de la Bible. L'autre, plus truculent, est du vrai "Léon Bloy", alerte et colore. J'aime mieux cet autre... Mais les deux ne font qu'un peut être. A bientôt, cher monsieur. Votre lecteur

A. Ourousof.

ПЕРЕВОД:

Москва.
1891. Май 23.

Сударь, я только что получил "Даму-рыцаря Смерти"¹ и два выпуска "La Plume"² и приношу вам за них благодарность. Я нашел уже одного подписчика на этот журнал: это я, - ибо едва ли я могу надеяться поместить там что-нибудь из своей прозы³. Однако это не уменьшит моей признательности за вашу добрую память, напротив: я буду читать вас в "La Plume" без угрызений совести, не причиняя убытков издателю.

Я сожалею о вашем разрыве с Гюисмансом⁴, которого я считаю писателем неповторимым по остроте и яркости видения предметов. Мое литературное кредо исключительно Флоберовское, и поэтому вы легко поймете, что мне трудно признать смерть Натурализма, если Натурализм вообще существует, ибо, хотя это и чрезмерно, возможно, было бы точнее сказать Артистизм. В вашей захватывающей брошюре я вновь нахожу силу и выразительность вашего слога... но могу ли я отважиться на свое мнение?.. московское, но откровенное?: в этом прекрасном языке есть два начала: одно вскормленное, вдохновленное Библией, берущее ее себе за образец. Другое, более свирепое, является настоящим "Леоном Блуа", подвижным и красочным. Я люблю больше это другое... Но оба они образуют, быть может, одно целое. До скорого свидания, сударь. Ваш читатель

А. Урусов.

РГБ, ф. 311.14.11. Черновое.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Очерк Блуа "Дама-рыцарь Смерти" ("La Chevalière de la Mort"), выпущенный в свет в 1891 г. издательством "Mercure de France", а до этого бельгийским (Гент) журналом "Le Magasin littéraire" (журнальная публикация и отдельное издание в 100 экземпляров), был посвящен королеве Франции Марии Антуанетте.

² Журнал "La Plume" - главный орган французских символистов и декадентов, основанный Леоном Дешаном, выходил с 15 апреля 1889 г. Блуа сотрудничал в нем с апреля 1890 по февраль 1892 г.

³ Урусов выражает сомнения в том, что он может получать журнал бесплатно, как вероятный сотрудник.

⁴ Недоразумения и взаимонепонимание у Гюисманса и Блуа начались с 1889 г., однако окончательный разрыв их дружеских отношений произошел в 1891 г. Блуа был глубоко задет тем, что в ответе на знаменитую анкету Жюль Юрэ о литературном развитии, напечатанном в начале апреля 1891 г. в "L'Écho de Paris", Гюисманс не назвал имени Блуа среди названных им имен представителей многих литературных школ. Суровый критический разбор романа Гюисманса "Там внизу", напечатанный Блуа в "La Plume" 1 июня 1891 г., окончательно обозначил их разрыв.

3.

Леон Блуа - А. И. Урусову

Гран Монруж (деп. Сена). 12 сентября 1898

2, cité Rondelet, Grand Montrouge
(Seine).

Mon cher "vieux Russe",

Il est vrai que l'envoi du volume a été fait par Deman à ma prière¹ et il n'y a rien là qui puisse vous surprendre. Le comble du goujatisme serait que je publiais un livre sans vous l'envoyer. Je croyais que vous aviez mon adresse et, ma foi! j'attendais pour vous écrire que vous m'eussiez écrit vous même, persuadé qu'une lettre suivrait nécessairement l'envoi du chèque. Mon embarras était très grand. La *Femme pauvre*² avait paru tellement vous déplaire que j'en étais depuis un an à me demander si ma personne même ne vous était pas devenue odieuse. Je me suis trompée sans doute, mais cette aventure m'est arrivée avec tant d'autres! L'absolu de mes sentiments et de mes pensées est si fait pour exaspérer les plus longanimes!

Le chèque m'est arrivé fort à propos, et il eût été aussi bienvenu à n'importe quel autre moment. Car le *Mendiant* continue. Il est entendu et décrété par d'impaisables puissances que je ne dois pas gagner ma vie par ma plume. Le nouveau livre en est une preuve admirable, puisqu'il a un gros succès et que, néanmoins, il *ne se vend pas!!!*

C'est bienfait, ça m'apprendra à n'être pas un maquereau, ni un impie.

J'en ai pris mon parti, d'ailleurs, de cette misère perpétuelle, et du miracle perpétuel par lequel Dieu soutient ma vie plus que douloureuse. Il y a furieusement longtemps que j'ai cessé de croire à la joyeuseté de ce monde et je pense de plus en plus que la prière est la seule chose propre qu'on puisse faire - j'entends la prière des plus humbles, sans esthétique professionnelle et sans documentation byzantine sur les cathédrales³.

D'un autre côté je ne doute pas un instant du plus prochain et du plus universel chambardement. Vous savez comment ça marche ici. Je suppose du moins que vous le savez. Alors à quoi bon n'être pas dans la misère? à quoi bon fonder quelque chose et s'asseoir à un lieu quelconque?

Enfin je vous remercie de m'avoir écrit et je comprends très bien l'amicale retenue qui vous a empêché de m'écrire un seul mot d'un livre dont presque toutes les pages ont du vous révolter.

Votre
Léon Bloy.

Monsieur le prince Alexandre Ourousof,
rue Arbate, ruelle Nicolski, 19,
Moscou
(Russie).

ПЕРЕВОД:

Сите Ронделе, 2, Гран Монруж
(деп. Сена).

Мой дорогой "русский дружище",
В самом деле, Деман послал вам книгу по моей просьбе¹, и в этом нет ничего удивительного. С моей стороны опубликовать книгу, не послав ее вам, было бы верхом хамства. Я полагал, что у вас есть мой адрес, и, признаться, я хотел вам написать после того, как вы напишете мне сами, будучи убежден, что за чеком непременно последует письмо. Смущение мое было чрезвычайно велико. *Бедная женщина*², видно, настолько вам не понравилась, что я в течение года спрашивал себя, не стала ли самая моя личность вам отвратительной. Я несомненно ошибся, но эта история случилась у меня со столькими другими людьми! Независимость моих чувств и мыслей такова, что приводит в отчаяние самых долготерпеливых!

Чек дошел до меня весьма кстати, и он был бы столь же желанным в любой другой момент. Ибо *Нищий* продолжается. Неумолимые силы пришли к соглашению и постановили, что я не должен зарабатывать на жизнь пером. Новая книга - прекрасное тому доказательство, поскольку у нее большой успех и тем не менее она *не продается!!!*

И отлично, это научит меня не быть ни сводником, ни нечестивцем.

Я примирился, впрочем, с этой постоянной нищетой и с постоянным чудом, которое Бог являет мне, поддерживая мою более чем тягостную жизнь. Прошло ужасно много времени с тех пор, как я перестал верить в земные радости, и я все больше думаю, что молитва - единственно возможное чистое дело, - я подразумеваю молитву самых смиренных, не связанную с церковной эстетикой и сведениями византийских источников относительно соборов³.

С другой стороны, я ни на мгновение не сомневаюсь в самом близком всеобщей потасовке. Вы знаете, как обстоят здесь дела. По крайней мере, я предполагаю, что вы это знаете. Тогда зачем бороться с нищетой? Зачем основывать что-либо и оседать на каком-нибудь месте?

Наконец, я благодарю вас за то, что вы мне написали, и хорошо понимаю дружескую сдержанность, помешавшую вам написать хотя бы одно слово о книге, почти все страницы которой должны были вас возмутить.

Ваш
Леон Блуа.

Господину князю Александру Урусову,
улица Арбат, Никольский переулок, 19.
Москва
(Россия).

РГБ, ф. 311.17.4.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о дневнике Блуа за 1892-1895 гг., изданном под названием "Неблагодарный нищий" ("Le mendiant ingrat") в брюссельском издательстве Демана в апреле 1898 г.

² Роман Блуа, вышедший в свет 15 мая 1897 г. в издательстве "Mercure de France". Здесь, в частности, высмеян и окарикатурен бывший друг Блуа Гюисманс.

³ Намек на роман Гюисманса "Собор" (1898), в котором в связи с описанием Шартрского собора много места уделяется символике церковной архитектуры и декора.